

Александр Войнов

Гейша

Александр Войнов

Гейша

<https://litres.ru/73900748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Две жизни. Две женщины. Два способа любить.

Она — дешёвая гейша с именем «Холодный цветок». Он — наёмный самурай, который платит за её общество, потому что устал от пустоты дома. Вместо денег он получает тепло, вместо служанки — зеркало своей души. Но когда воин забывает, что такое осторожность, расплачиваются оба.

Спустя века их души встречаются снова. Теперь она — расчётливая красавица, он — мужчина, сломленный депрессией. Она не дарит ему нежности. Она учит его боли. И именно это оказывается тем лекарством, которого он ждал всю жизнь.

Одна любовь согревает и убивает. Другая — замораживает и спасает.

«Гейша» — это история о договоре с вечностью, где каждая встреча — дар.

Александр Войнов

Гейша

Часть первая. Холодный цветок

Сцена первая.

Хромая утка из квартала Ёсивара

Вечер опускался на квартал Ёсивара медленно, как тягучий сироп. Багровое солнце уже скрылось за гребнями крыш, оставив после себя полосу умирающего света, в котором тени становились длиннее и голоднее. В чайном доме «Белая цапля» зажигали масляные лампы, от которых воздух делался тяжёлым и сладковатым.

Карин сидела на циновке в дальней комнате, там, где свет почти не доставал. Её кимоно было из хорошего, но не нового шёлка — выцветшие ирисы на сером фоне, перевязанные поясом оби, завязанным сзади сложным узлом, который она сама научилась поправлять без зеркала. Другие гейши этого дома, уже разошлись по клиентам: их разобрали ещё до захода солнца. Карин осталась.

Она ждала.

Ждать она умела. За три года в «Белой цапле» ожидание стало её главной профессией. Сидеть неподвижно, сложив руки на коленях, смотреть в одну точку, сохранять на лице выражение спокойной готовности — как будто каждую секунду кто-то может дёрнуть сёдзи и позвать. Но никто не звал.

Она сидела неподвижно уже четвёртый час. Левое бедро начинало ныть — глухо, тянуще, как перед дождём. Карин знала: если не сменит позу, через полчаса, когда встанет, левая нога подогнётся. Всего на одно движение. Но клиенты замечают такие вещи. Она чуть сдвинула вес на правую сторону, выпрямила спину и сделала лицо спокойным, как## — гладь воды. Боль никуда не ушла, но теперь её никто не видел.

Имя «Карин» было далеко не самым поэтичным. Хозяйка дома — О-Касаги, старая женщина с лицом восковой куклы — обычно давала своим девочкам имена из стихов: «Цветущая слива», «Ночная роса», «Пение сверчка». Карин получила своё имя случайно. Когда её привезли сюда из деревни провинции Ямасиро, девочка не знала ни одного иероглифа.

О-Касаги задумалась, посмотрела на календарь — шестой день пятого месяца, иероглиф «цветок»? Нет. Потом перевела взгляд на окно, за которым моросил холодный дождь,

и вдруг сказала:

— Цветок, который цветёт в холоде.

Она взяла кисть и написала: ##. Цветок и холод. «Холодный цветок».

— Такие не вянут долго, — добавила она, не глядя на девочку.

Карин тогда не поняла, но запомнила на всю жизнь: её имя — это насмешка. Она должна быть холодной, как лёд, и красивой, как цветок, который никто не срывает.

Чтобы отвлечься, принялась пересчитывать долг в уме.

Обувь, кимоно, обучение танцам у учителя, который бил её по пальцам бамбуковой палкой, уроки игры на сямисэне, за которые платили по два рё в месяц, косметика — белила из рисовых отрубей и свинца, красная помада из сафлора. Всё это стоило денег. Три года — и она должна хозяйке дома почти тридцать рё. За эти деньги можно купить небольшой дом в ремесленном квартале или год кормить семью из пяти человек.

Карин не нашла покровителя. Другие гейши находили — старых купцов или самураев, которые оплачивали их долг

и забирали в личное пользование. Это было не замужество, конечно, но — безопасность. Карин была слишком холодна для покровителя. Слишком дешева.

Хозяйка не говорила ей вслух, но Карин знала. Клиенты замечали то, как она встаёт. Как на одно короткое мгновение замирает на пороге, давая суставу привыкнуть. Никто не хотел гейшу, которая выглядит так, будто её ударили. «Утка», — шептали за спиной. «Хромая утка». Даже дешёвая цена не помогала. Карин улыбалась, кланялась и ждала. Всегда ждала.

Она опустила взгляд на свои руки. Белые, с розоватыми ладонями, пальцы в мозолях от сямисэна. Кому нужна гейша, которая не может танцевать сложные танцы? Кому нужна гейша, которую никто не хочет брать?

За сёдзи слышались шаги. Карин выпрямилась, улыбнулась — дежурной, ничего не выражающей улыбкой, которую тренировала перед зеркалом сотни раз.

Но шаги прошли мимо.

Она осталась одна. В темноте комнаты запахло старой циновкой и её собственным одиночеством.

Сцена вторая. Три моммэ за тишину

Акисукэ из рода Татибана ненавидел квартал Ёсивара. Точнее, он не ненавидел сам квартал — он ненавидел то, за чем сюда приходили другие. Мужчины с мутными глазами, торопливо сующие руки за пазухи служанкам. Купцы, которые платили за то, чтобы унижать девушек. Самураи без господина, пропившие последние монеты.

Он шёл по Главной улице — широкой, вымощенной камнем, с фонарями через каждые двадцать шагов. В этих фонарях горело масло, и квартал был похож на пасть дракона изнутри: ярко, жарко, пахнет жареными угрями и дешёвыми духами. Его меч висел на левом боку, длинный, чуть тяжеловатый — катана, которую он не обнажал уже три месяца. Последний поход был на север: горные кланы, короткая стычка, три мёртвых врага и пять раненых со своей стороны. Ему заплатили пятнадцать рё — достаточно, чтобы жить полгода, но недостаточно, чтобы купить покой.

Рядом шагали двое его сослуживцев — Ясумото и Киёмаса. Ясумото, грубый, с лицом, изъеденным оспой, то и дело сплёвывал сквозь зубы. Киёмаса, молодой и восторженный, тарасился по сторонам как крестьянин на ярмарку.

— Ну, Акисукэ-доно, — Ясумото хлопнул его по левому

плечу.

Тело среагировало раньше, чем мозг успел осознать. Правое плечо чуть ушло вперёд, левое дёрнулось назад, и рука сама собой прижалась к боку, как будто защищая то, чего уже давно не болело.

Старая рана, полученная под Сэкигахарой, затянулась десять лет назад. Врач говорил, что сухожилия срослись, кости встали на место. Но иногда — когда резко менялась погода или кто-то неожиданно касался — плечо вспоминало.

Как будто под лопаткой всё ещё живёт осколок стрелы, которого там нет.

Акисукэ выдохнул, расслабил руку. Ясумото ничего не заметил — слишком пьян и груб, чтобы различать такие тонкости.

— ...говорят, в «Белой цапле» новенькая есть. Юная. Груди — как персики.

Акисукэ не ответил. Он сделал круговое движение левым плечом назад — старый тик, который он сам у себя давно перестал замечать. Движение, которое каждый раз спрашивало тело: больно?

Они зашли в «Белую цаплю». Внутри было душно, пахло сандаловым деревом и старым табаком. Хозяйка — худая, с выбеленным лицом и нарисованными бровями под самой линией волос — поклонилась.

— Асакура-сама, — сказал Ясумото, назвав фальшивую фамилию (они не хотели светить настоящие имена), — нам нужны девушки и сакэ. Хорошего.

Хозяйка захлопала в ладоши. Из внутренних комнат вышли гейши — Мидзуки и Хару, красивые, улыбающиеся, с идеальными причёсками. Акисукэ не обратил на них внимания.

— А третья? — спросил он.

Хозяйка замялась.

— Если самураю угодно... есть ещё Карин. Но она...

— Зовите, — сказал Акисукэ.

Карин позвали через пять минут. Она вошла, опустилась на колени и поклонилась, коснувшись лбом пола.

— Добрый вечер, господа.

Акисукэ смотрел на неё пристально. Она не была красавицей — лицо слишком узкое, губы тонкие, кожа белая, но не фарфоровая, а с желтоватым оттенком, как старая слоновая кость. И глаза — холодные, внимательные, не такие, как у других гейш, которые смотрят на клиента как на кошелёк. Эта смотрела так, будто оценивала опасность.

Она села рядом с ним, потому что Ясумото и Киёмаса уже заняли места у других девушек. Расстояние — ровно на ширину сложенного веера. Достаточно близко, чтобы чувствовать тепло, и достаточно далеко, чтобы не касаться.

— Как вас зовут, господин? — спросила она, наливая сакэ.

— Акисукэ.

— Красивое имя. «Осенняя помощь»? Вы родились осенью?

— Не совсем. — Он помолчал, глядя на тень от масляной лампы, которая дрожала на сёдзи. — Отец говорил: «Осень — это когда мир готовится к смерти. Но тот, кто умеет защищать, отражает удар, как осенний пруд отражает луну. Не нападая. Принимая».

Она ждала.

— Вторая часть имени — «сукэ». Не просто помощь. Защита. Отражение. — Он сделал паузу. — Зеркало.

Карин опустила взгляд на его руки. Крепкие, с мозолями на ладонях — от древка копья, от рукояти меча. Но пальцы — длинные, почти музыкальные. Не палача.

— Значит, ваше имя обещает, что вы не бьёте первым? — спросила она тихо.

Акисукэ посмотрел на неё. Ни одна женщина не задавала ему такого вопроса.

— Не обещает. Напоминает, — ответил он.

Они разговаривали о пустяках — о погоде, о дорогах, о налогах на соль. Она отвечала вежливо, но без подобострастия. Он понял, что она умна — слишком умна для своей цены. Когда Ясумото, пьяный, спросил у неё, не надоело ли ей сидеть в этой дыре, Карин ответила спокойно:

— Самураю не пристало замечать такие мелочи, — и перевела разговор на качество клинков.

Это было дерзко, но так тонко, что Ясумото не обиделся, а засмеялся.

Позже, когда Ясумото и Киёмаса ушли с девушками в верхние комнаты, Акисукэ остался с Карин. Они сидели молча. Она не прижималась к нему, не заигрывала, не строила глазки. Просто была рядом. Это было... правильно.

— Ты не похожа на других, — сказал он.

— Других выбирают чаще, — ответила она.

Он не нашёлся, что сказать.

Она налила ему сакэ ещё раз, и когда он брал чашку, их пальцы почти коснулись. Но она отдернула руку первой.

Уходя, он оставил ей три моммэ — больше обычной платы, но неnamного. И уже в дверях спросил у хозяйки:

— Сколько должна Карин? Сколько осталось от долга?

Хозяйка назвала цифру.

Акисукэ кивнул и вышел в ночь. Фонари квартала горе-

ли масляным светом, пахло жареной рыбой и мокрым бамбуком. Он шёл, ощущая привычную тяжесть меча на боку, и думал о цифре. Тридцать рё. Это было дорого. Но не настолько, чтобы не подумать.

Над кварталом Ёсивара занималась луна — узкая, бледная, похожая на царапину на чёрном шёлке.

Сцена третья. Сделка

О-Касаги — сидела напротив Акисукэ, сложив руки на коленях. Её лицо, покрытое толстым слоем белил, напоминало театральную маску: ни радости, ни гнева, только вежливое ожидание. Между ними стояла чашка, давно остывшего чая.

Акисукэ пришёл один. Без Ясумото, без сакэ, без шума.

Он пришёл как купец на торг — и это его бесило. Он не должен был торговаться за женщину. Не должен был сидеть здесь, в душной комнате, пахнувшей старой циновкой и сушёной рыбой. Он должен был быть в поле, с мечом, с холодным ветром в лицо.

Но дома — пусто. Абсолютная, глухая пустота, которая после последнего похода стала давить на плечи сильнее, чем вражеский натиск.

— Ты хочешь забрать Карин, — сказала О-Касаги. Не вопрос — утверждение.

— Я хочу, чтобы она жила в моём доме. — Акисукэ говорил ровно, без тени смущения. — Она продолжит работать на тебя. Но не в твоём доме. В моём.

— Ты предлагаешь мне потерять клиентов, которые могли бы выбрать её здесь?

— Каких клиентов? — Акисукэ позволил себе лёгкую усмешку. — Её не выбирают. Она приносит тебе убыток, а не доход.

О-Касаги не дрогнула. Но пауза затянулась на три удара сердца — достаточно, чтобы Акисукэ понял: он попал в цель.

— Что ты предлагаешь? — спросила она.

— Ежемесячную плату. — Он положил на циновку три монеты моммэ. — За то, что она живёт у меня. И часть её долга — буду выплачивать каждый месяц, пока не рассчитаюсь полностью.

— Сколько?

— Один моммэ в месяц за содержание. И ещё один моммэ — в счёт долга. — Он подвинул монеты вперёд. — Итого два моммэ каждый месяц. Пока долг не будет закрыт.

О-Касаги посмотрела на монеты, потом на него. Её лицо оставалось непроницаемым, но Акисукэ видел, как она считает в уме.

— Её долг — тридцать рё. Это триста моммэ. При твоей плате ты будешь выплачивать его двадцать пять лет.

— Я буду платить больше, когда смогу. — Он сказал это и сам почувствовал, как его голос стал жёстче. — Или найду другую гейшу. Дешёвых в Ёсиваре хватает.

О-Касаги медленно кивнула.

— Два с половиной моммэ в месяц. Один — мне за содержание. Полтора — в счёт долга.

— Два и четверть, — ответил Акисукэ. — Полтора мне не потянуть. Не сейчас.

Хозяйка снова замолчала. В комнате было слышно, как потрескивает фитиль в масляной лампе.

— Два и четверть, — повторила она. — И ты забираешь её сегодня.

Акисуке молчал. Внутри поднималось раздражение — глухое, липкое. Пять с четвертью моммэ в месяц. Это не разорительно — он зарабатывал пятнадцать-двадцать рё за поход, то есть сто пятьдесят-двести моммэ. Но платить каждый месяц, год за годом, за женщину, которую никто не хотел брать...

Нужно было отказаться. Встать, поклониться, уйти.

Он уже открыл рот, чтобы сказать «нет», — и вдруг вспомнил её голос.

«Значит, ваше имя обещает, что вы не бьёте первым?»

— Согласен, — сказал он сквозь зубы.

О-Касаги хлопнула в ладоши. Карин ждала за сёдзи — сидела на циновке, выпрямив спину, положив руки на колени. Она слышала всё.

Она вошла, поклонилась, не поднимая глаз. Когда выпрямлялась, левая нога чуть дольше задержалась на циновке

— но это было похоже на привычку, а не на боль.

Акисукэ вышел на улицу первым. Ночной воздух ударил в лицо — холодный, влажный, пахнувший морем. Он сделал круговое движение левым плечом назад — старый тик, который сам у себя давно перестал замечать.

Карин вышла следом, неся в руке узел. Она не сказала ни слова.

Он отвернулся и зашагал быстрее.

Сцена четвёртая. Плата за зеркало

Дом Акисукэ стоял на окраине города, у подножия холма, поросшего старыми соснами. Небольшой, но крепкий — деревянные стены из кипариса, крытая соломой крыша, которая не текла даже в сильные ливни. Внутри — одна большая комната с очагом в центре, маленькая кладовая и веранда, выходящая в запущенный сад.

Карин переступила порог первой. Акисукэ остался сзади, наблюдая.

Она остановилась посреди комнаты. Сняла сандалии, аккуратно поставив их носками к выходу — как учили в доме

гейш. И замерла.

Глаза скользнули по стенам: ни одного женского гребня, ни одной лишней вещи. Только меч на подставке, свиток с каллиграфией («Путь воина — это смерть» — она прочитала про себя и вздрогнула) и походный сундук в углу.

Других женщин здесь не было. И нет.

Она сделала шаг к очагу. Провела пальцем по деревянной стойке — тонкая полоска пыли осталась на подушечке. «Убрано, но не идеально».

Карин не любила мужскую чистоту. Когда что-то лежит на своём месте, но это место выбрано для удобства, а не для красоты. Когда половики сбились, а метла стоит в углу, потому что вчера ею подметали и забыли убрать.

Она не спросила разрешения. Просто подошла к углу, взяла метлу и начала мести.

Акисукэ замер в дверях.

— Я не просил, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она, не оборачиваясь.

— Ты не служанка.

— Я гейша. Мой дом там, где я нахожусь. А в моём доме должно быть чисто.

Она говорила спокойно, даже буднично. Не вызов, не покорность — просто факт. Метла скребла по доскам пола, выметая пыль из щелей. Карин двигалась плавно.

Он сел у очага, положив руки на колени. Наблюдал, как она раскладывает вещи — его вещи, которые даже не спрашивала, где лежат. Просто находила. По запаху, по тому, как сложены, по мелким приметам, которые женщина чувствует, а мужчина не замечает.

Как она быстро почувствовала себя хозяйкой.

Это должно было его разозлить. Он не любил, когда кто-то вторгается в его пространство. Но она делала это не для него. Она делала это для себя — потому что грязь вызывала у неё физическое отвращение, как у него — зазубрина на лезвии.

Акисукэ вдруг понял, что это похоже на него самого. Он чистил свой меч каждый вечер, даже если не обнажал его.

Смазывал клинок, проверял рукоять, протирал гарду. Не потому, что кто-то просил. Потому что от этого зависела его жизнь.

Для неё чистота — это то же самое.

Он почувствовал, как раздражение отпускает. Не полностью — где-то глубоко осталась злость на себя за переплату, за слабость, за то, что не отказался. Но вместо злости пришло что-то другое. Что-то вроде уважения.

Карин закончила мести, села на колени у очага и начала разжигать огонь. Трут, кремьень, сухие ветки — быстро, умело. Пламя лизнуло дерево, и в комнате стало теплее.

— Я буду убираться каждый день, — сказала она, не глядя на него. Утром. И буду готовить еду. Играть на сямисэне, когда захочешь. Разговаривать, когда захочешь. И молчать, когда захочешь.

— Сколько ты хочешь за это? — спросил он сухо.

Она подняла на него глаза — холодные, внимательные, как у кошки, которая смотрит на огонь.

— Ты уже платишь. Пять с четвертью моммэ в месяц. Это

немного.

— Я знаю, — он усмехнулся. — Я торговался.

— Плохо торговался, — подумала она и отвернулась к огню.

Акисукэ смотрел на её спину — прямую, напряжённую, с узлом оби, завязанным идеально ровно. Она прошла к очагу, и в том, как левая нога мягко ступала на циновку, было что-то неуловимое — не дефект, а скорее особенность, как у кошки, которая помнит о старой травме.

И впервые за долгое время ему не нужно было ничего говорить.

Тишина заполнила комнату. Но это была не пустота, которая давила на плечи. Другая тишина. Живая.

Через три дня Акисукэ вернулся с тренировки — уставший, злой, с мокрым от пота воротником. Он вошёл в дом и остановился.

Пол сиял. Циновки были выбиты и разложены заново — без единой складки. В очаге горел огонь, на котором висел котелок с горячей водой. В углу стоял свиток с икебаной —

простая, но красивая композиция из сосновой ветки и сухих хризантем.

Карин сидела у окна, штопая его старый хаори. Она подняла голову, посмотрела на него спокойно и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.